

АНТИФИЛОСОФИЯ ЛАКАНА В ПРОЧТЕНИИ
БАДЬЮ: ФОРМУЛЫ *L'ÉTOURDIT*
К публикации перевода

Работа Лакана *L'étourdit* вышла в свет в 1973 в четвёртом номере журнала *Scilicet*. Ален Бадью напоминает нам, что именно в начале 1970-х Лакан зафиксировал ряд наиболее важных концепций – в семинаре 1972–1973 гг. «Encore» таковых немало: теория четырёх дискурсов (Господина, Истерики, Университета, Аналитика), формулы «любовь, замещённая отсутствием половой связи», «женщина не существует» и т. д. Присутствуют эти подтемы и в *L'étourdit*.

Французский глагол *étourdir* отсылает к оглушению, ошеломлению, головокружению и одурманиванию. А также утомлению, доуке и беспокойству. Лакановский неологизм *l'étourdit*, которым французский психоаналитик озаглавил один из своих текстов, вбирает в себя все эти подтексты в их экзистенциальном, структурном и историческом измерении. *L'étourdit* – о субъекте, попавшем в водоворот *головокружения*, подобно герою одноименного фильма Хичкока, ставшего одной из эмблематических иллюстраций центральных проблем лакановского психоанализа. Субъект головокружения стремится к гибели, будучи замороженным зрелищем собственной пустотности. *Головокружение* – это и название одного из ранних эссе Роже Кайуа, одного из вдохновителей Лакана. В поэтической форме Кайуа «набрасывает», без дисциплинарной концептуализации, проблемы, над которыми Лакан будет работать всю жизнь, – дихотомии желания и наслаждения, принципа реальности и принципа удовольствия, *Atè* Антигоны, принципиальной расколотости субъекта, символизации реального и т. д.

Чем же для нас интересен комментарий Алена Бадью к *L'étourdit* Лакана в ситуации, когда сама работа не переведена на русский язык? Главным образом тем, что в своём комментарии Бадью не столько эксплицирует какие-то аспекты теории Лакана или полемизирует с ним, сколько использует текст *L'étourdit* как повод для осмысления границы и различий между психоанализом и философией. В конечном счёте, Бадью интересуется отношение психоанализа к онтологии, и это отношение он описывает как неразрывность для психоанализа *истины, знания и реального*. Формально, интерпретируя данную работу Лакана, Бадью комментирует лишь одну цитату из неё, а фактически – производит рефлексию над всей лакановской мыслью с метапозиции, осмысляя психоанализ как эпистемологическую систему с точки зрения философии, затем философию – с позиции психоанализа, и, в конце концов, – пытаясь занять позицию «над» тем и другим.

Проблематизируя любовь, Лакан не мог обойти вниманием философию как любовь к мудрости. Анализ философского дискурса с позиции психоаналитика получил название «антифилософии», поскольку, освобождая философские формы от их содержания, Лакан анализирует непосредственно материю философского дискурса. Эта тесная связь между психоанализом и философией позволяет говорить об анализе как о своеобразной негации философии.

Ален Бадью, философ и ученик Лакана (как антифилософа), утверждает, что стать философом после Лакана невозможно, не пройдя прежде уроки его антифилософии. Философия после Лакана оказывается не опровергнутой, но поставленной под сомнение, что составляет для неё некоторый «вызов». Психоаналитический же дискурс не рассматривает собственное существование и функционирование в качестве «вызова» философии. Асимметричность этих двух дискурсов по отношению друг к другу и составляет ядро той проблемы, которую необходимо решить философии, чтобы ответить на брошенный вызов. Но куда же следует поместить субъекта, чтобы разоблачить этот вызов извне, сделать его эксплицитным? Как выражается сам Бадью, в этом может помочь пустота, которая является трещиной или дырой на поверхности смысла, пробитой мышлением.

Несмотря на то что в русскоязычном пространстве переводы текстов Алена Бадью появились более десяти лет назад, философ остаётся недопонятым русскоязычной аудиторией. Некоторые считают, что он употребляет слишком много математической терминологии, непривычной для гуманитария. Другие удивляются возвращению в философский дискурс таких предельно общих понятий, как *бытие*, *истина*, *субъект* – вне их привычного употребления, рядом со словами *повседневность*, *полипарадигмальность*, *метанарратив*, *смерть*, *деконструкция*. Вероятно, такие же претензии могли бы предъявить и читатели, ознакомившиеся с переведёнными текстами Бадью (*Апостол Павел. Обоснование универсализма, Манифест философии, Делёз. "Шум бытия", Метapolитика, Этика. Очерк о сознании зла*) на языке оригинала. Но это произошло бы ввиду того, что данные тексты являются периферийными по отношению к каркасу философской системы Бадью. Можно ли судить о революционном характере трансцендентальной критики Канта по текстам *К вечному миру* или *Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного*? Найдём ли мы следы разложения гегелевской философии, если будем читать *Повторение* Киркегора, не обратившись впоследствии к *Болезни к смерти*? Не будет ли *Манифест Коммунистической партии* лишь немецкой репликой в ответ на проекты французских утопистов, если мы проигнорируем *Капитал* Маркса?

Центральным произведением Бадью, разъясняющим основания его философии, является *Бытие и событие*. Конечно, можно привести контрпримеры из истории философии, когда у философа нельзя выделить ключевой системообразующий текст, – Платон,

Ницше, Фуко. Но Бадью сознательно строит свой философский дискурс, придерживаясь математических принципов. Подражание матеме в философии является для Бадью залогом связи философии с онтологическим уровнем, а значит, позволяет философии быть специфическим образом истинной.

В *Бытии и событии* Бадью поставил задачу обосновать математический дискурс как дискурс об онтологии, но эта, казалось бы, специальная проблема потребовала привлечения всего арсенала философского дискурса. Именно использование философии для связи математических теорий с их онтологическим значением делает для нас очевидной механику философского дискурса. Бадью опустошает математические процедуры и наполняет их содержанием, которое прежде размещалось в философских категориях. Но такой процесс манипуляций (если мы примем подобную метафору перемещения форм) требует сосуда для хранения содержаний, пока они находятся вне форм. Вопрос о допустимости и адекватности данной метафоры разоблачает для нас пустоту философского дискурса, являющегося в данной метафоре и пространством мыслительной лаборатории, и содержанием одного из сосудов в данной лаборатории.

Для построения собственной философской теории Бадью использует аксиоматический метод, естественный для построения математической теории. *Бытие и событие* представляет собой систему аксиом, исходных положений, венаходимых по отношению к теоремам, доказываемым в рамках теории. По отношению к этому тексту другие являются производными в таком же строгом математическом смысле, в каком теоремы некоторой теории выводятся из её аксиом. Отсутствие перевода *Бытия и события*, естественно, означает то, что русскоязычный читатель оказывается неоснащённым основополагающими послылками философии Бадью.

Читая Бадью, следует учитывать его специфический терминологический аппарат – понятия, которые он использует, связаны друг с другом в систему, подобно математическим определениям. Концепты, которые использует Бадью, отсылают к омонимичным понятиям из истории философии только в той степени, в какой их содержание претендует на внеисторичность. Например, Декартово понятие субъекта Бадью рассматривает в рамках проблемы локализации субъекта на онтологическом уровне наравне со схемой субъективации Лакана и собственным пониманием субъекта, но не пытается выявлять генетическую связь между ними, поскольку видит во всех трёх схемах различные описания одной и той же механики субъекта.

Не претендуя на то, чтобы коренным образом исправить ситуацию недопонимания текстов Бадью, в данном предисловии хотелось бы связать дискуссию Бадью и Лакана о статусе философии, изложенную в *Формулах "L'Étourdit"*, с аксиоматикой философии Бадью.

В тексте *Формулы "Létourdit"* мы, прежде всего, сталкиваемся с концептуальной бадьюзианской оппозицией знания и истины. Чтобы обосновать метатеоретический статус философии и специально-теоретический статус психоанализа как дискурса об одном из истинностных процессов¹ (любви), Бадью прослеживает путь «столкновения» как психоанализа, так и философии с этой оппозицией. В онтологии Бадью истина и знание являются механизмами, которые соотносят ситуацию с множественностями противоположным образом: знание воспроизводит ту множественность, которая уже схвачена в ситуации и составляет саму ситуацию, истина же вскрывает те множественности, которые не были схвачены в ситуации, и, привнося их в ситуацию, тем самым её переконфигурирует. Ситуация – один из специфически бадьюзианских терминов, который надо не только воспринимать как строгое понятие, имеющее своё место в теории онтологии Бадью, но и помнить о его обыденном, общеупотребительном смысле. «Представьте себе ситуацию» – такую сентенцию можно услышать где угодно, и её интуитивная понятность как раз определяет суть концепта ситуации. После подобного предложения мы готовы воспринимать сказанное далее как описание условий, в которых разворачиваются некие события. «Представляя ситуацию», мы заполняем пространство, предположенное в слове «ситуация», предметами, действующими лицами, связями между ними. Ситуация, согласно Бадью, – это «явленная множественность», то есть данные в виде феномена, отдельные, различимые как единичные, элементы. Но помимо ситуации есть нечто, что позволяет считать элементы отдельными; механизм различения единиц в ситуации Бадью называет операцией счёта-за-одно. О каждом из элементов, составляющих множественность явленности ситуации, можно сказать, что он принадлежит ситуации, и именно возможность и правила определения принадлежности элементов ситуации становятся залогом её завершённости и её субстанциональностью.

Между уровнем ситуации и уровнем бытия существует различие, порождающее противоположность истины и знания. Множественность, позволяющая составить из себя ситуацию в явленности, ограничена собственной определённой (которую Бадью называет *непротиворечивой множественностью*), но на уровне бытия нет ничего, кроме множественности множественности (этот вид множественности Бадью называет *противоречивой множественностью*), – эта множественность бесконечно множественна, для неё нет ни внешних, ни внутренних границ. Если знание является частью ситуации, механизмом её поддержания и воспроизведения, то истины требуют вмешательства субъекта, который

¹ Условиями, или истинностными процессами, или генерическими процессами, Бадью называет четыре области, которые исчерпывающе охватывают, по его мнению, возможности раскрытия *множественности* в исторических ситуациях. К истинностным процессам Бадью относит *искусство, политику, науку и любовь*.

заялся бы распознаванием противоречивых множественностей в непротиворечивой множественности ситуации.

Говорить о противоположности истины и знания, между тем, можно, только находясь в плоскости ситуации, но более сложное отношение, в котором они действительно находятся, можно описать с топологической точки зрения, только введя измерение реального. Бадью привлекает текст Лакана *Létourdit*, чтобы эксплицировать концептуальный триплет *истина-знание-реальное*, который прояснил бы взаиморасположение философии и психоанализа. Однако, чтобы истина и знание вступили в реакцию с таким твёрдым реагентом, как реальное, необходим катализатор, который смог бы сделать реальное вещественным. Этим катализатором является смысл.

Психоанализ видит необоснованную претензию философии в том, что она утверждает существование смысла истины. Сам же психоанализ претендует на знание о реальном, которое заключается в том, что «реальное – это такая бес-смыслица, из отсутствия смысла в которой следует, что смысл есть». Формула психоанализа «сексуальных отношений не существует» упраздняет смысл смысла, а без него философия теряет связь с истиной. Ален Бадью же как философ создаёт метапозицию для того, чтобы осмыслить антифилософию Лакана, запечатлев механику триплета истина-знание-реальное в парадоксальности пар этого триплета, оставленных без третьего элемента. Согласно Бадью, постлаканианский способ философствования должен строить своё отношение к истине, сохраняя указанную механику триплета.

Лина Медведева, Лидия Михеева